

18 MAY 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Уроки Охлопкова

Чем дальше время уводит от нас Николая Павловича Охлопкова, тем больше, осознаннее утрата. Мне кажется, что только сейчас по-настоящему глубоко, до конца я начинаю понимать, какой это был человек, какой это был художник.

Знакомство с Охлопковым у меня началось с восторга от его одухотворенных, поэтических, наполненных благородными чувствами спектаклей. До сих пор не могу забыть поразивший меня в юности финал «Молодой гвардии», когда живое, трепетное, патетическое полотнище бросало алый отсвет на вдохновенные, обращенные в бессмертие лица Олега Кошевого и его товарищей. Неожиданной для нас, молодых зрителей середины пятидесятых годов, оказалась охлопковская постановка погодинских «Аристократов», где на вынесенных в зал подмостках чудодействовали, как в площадном народном театре, веселые лицедеи в масках и одновременно плакали настоящими слезами Костя—П. Аржанов, Соня—Т. Карпова.

Смогу ли я когда-либо столь открыто и горячо обратиться к зрительному залу? Этого я, выпускница Школы-студии МХАТа, конечно, еще не знала. Моя театральная судьба складывалась на первых порах удачно. Но наступил день, когда, набравшись храбрости, я подошла в фойе Московского театра имени Вл. Маяковского к его художественному руководителю Николаю Павловичу Охлопкову и сказала, что хочу играть у него. Охлопков спросил: «Что ты можешь?» Я ответила: «Все!» Тут Николай Павлович неожиданно рассмеялся добродушным, глуховатым смешком. Сколько раз потом он ободрял и поддерживал меня так! Я и сейчас как будто слышу этот смех...

Я сразу же была принята в труппу театра и вошла в спектакль «Маленькая студентка».

В нашей первой встрече с Николаем Павловичем Охлопковым проявились его замечательные педагогические качества. Прежде всего это безграничное доверие к тем, кто еще только вступал на подмостки. Охлопков не искал для своего театра громких, проверенных имен—«звезд». Ему дороже были его ученики, обладавшие его, охлопковской, «группой крови». Каждому из них Николай Павлович без устали передавал свой богатый сценический опыт, каждого он поднимал, зажигал своим вдохновением. В каждом он бережно возвращал неповторимую художественную индивидуальность и в то же время объединял в коллектив единомышленников, исповедующих его, охлопковские, театральные идеи.

Охлопков не признавал искусство серое, бескрылое, развлекательное, он призывал своих актеров к поэтическому восприятию мира, к смелости, готовности идти на сценические эксперименты. Николай Павлович не раз заявлял, что человек, считающий, что он постиг все вершины в искусстве, на самом деле находится в тупике. Как неувядающи слова Охлопкова: «Мыслить, чувствовать—это значит вечно искать, вечно постигать и открывать новое, вечно действовать, вечно быть активными. Такой Человек идет навстречу открытиям, идет вперед, не боясь ни борьбы, ни опасностей. Полна только та жизнь, в которой проявляется живой интерес ко всем большим проявлениям человеческого духа».

Николай Павлович был удивительно талантлив. Настолько готов был раскрыть себя навстречу окружающим, настолько был душевно щедр, что оставалось только завидовать такому его природному дару. Мне не забыть щедрые творческие месяцы, когда создавался спектакль «Иркутская история». Во время репетиций каждый из нас ощущал, как говорится, свой «уровень страстей». Нам казалось, что это «потолок», большего уже не достигнуть. Вот такого «потолка» не было у Охлопкова. Помню, как шли один за другим разнообразные этюды на тему «дня рождения» у Вальки. Николай Павлович умел поднять такие пласты актерского темперамента, о которых мы, исполнители, и не подозревали. Он тонко проникал во внутреннюю природу чувств образа и тут же подсказывал точную пластическую форму его выражения.

Охлопков любил на сцене резкую смену ритмов, контрастные перепады в настроении героев, он добивался от нас буквально взрыва эмоций.

Благодаря роли Вали, как ее понимал Охлопков, в мою творческую жизнь вошли героини с гордым, независимым, сильным характером.

Могучей, бунтующей виделась режиссеру Медея в трагедии Еврипида. Вскоре после премьеры Николай Павлович попросил меня подготовить эту роль. Я решительно отказалась. Николай Павлович спросил: «Почему?» Я ответила, что никогда не пойму, как мать могла убить своих детей. И тут Охлопков вновь засмеялся своим неповторимым смешком: «Ничего, все поймешь, когда повзрослеешь». После кончины Николая Павловича я сыграла Медею и только тогда поняла, как глубоко он мыслил.

Позднее уроки «Иркутской истории» не раз помогали мне на репетициях пьесы А. Салынского «Мария». Когда мы с режиссером А. Гончаровым искали черты облика Марии, я думала о Вале. Внешне жизненные пути продавщицы поселкового магазина Вали Серегиной и партийного работника Марии Одинцовой, конечно, различны. Но я уверена, что есть у двух моих современниц внутренняя точка соприкосновения. В крутые, переломные жизненные моменты и Мария, и Валя ощущают нравственную потребность нести людям добро, они воспринимают чужую боль и чужую радость как свою собственную.

Завет Охлопкова воплощать на подмостках эмоционально насыщенные образы, «вдохнуть» на сцену атмосферу героических событий нашей страны вспоминался мне и тогда, когда я работала над образом Комиссара в «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского в спектакле Московского театра имени А. Пушкина.

Николай Павлович Охлопков был гражданином своего времени, которое он чувствовал и любил, которому он отдавал «души прекрасные порывы». Крупный, чуждый мелких счетов, обид, он был снисходителен и щедр. Охлопков был богат силой. Он жив в моем сердце и памяти.

С. МИЗЕРИ,
народная артистка РСФСР, лауреат
Государственной премии СССР.